

не совершенным евангельским переводом, сумел тонко и верно описать ряд грамматических явлений коми языка. Можно сослаться на выделенный им соединительный падеж, оставшийся незамеченным почти всеми другими языковедческими работами прошлого столетия; на его классификацию спряжений; на характеристику послелогов; на тщательные и содержательные грамматико-семантические комментарии, сопровождающие каждый раздел сочинения и каждую грамматическую категорию.

Остается только сожалеть, что И. А. Куратов не оставил развернутого отзыва об этом, несомненно ярком научном сочинении своего современника.

4.

Судя по тому, что в дошедших до нас лингвистических рукописях И. А. Куратова ни разу не комментируется грамматика Н. А. Рогова¹, этот труд не находился в непосредственной связи с исследованиями И. А. Куратова и, по-видимому, не был известен ему в подробностях. Однако И. А. Куратов знал о существовании этой работы. Она упоминается в так называемой 4-й тетради рукописей коми просветителя среди ряда других языковедческих пособий².

Так как грамматика Н. А. Рогова вышла при жизни И. А. Куратова и отражала соответствующий уровень развития тогдашней пермистики, необходимо познакомить читателя с этим грамматическим трудом.

Книга состоит из предисловия, трех частей («отделений») и приложения, в котором излагаются образцы коми-пермяцкого фольклора и примеры диалогов на ходовую тематику с переводом на русский язык.

В кратком введении излагается назначение грамматики, которая «рассматривает слова во всех их видах, начиная с первоначального образования их из букв, до совокупления в связную понятную речь» (с. I); освещается структура пособия, имеющего три главных части («отделения»): 1. О буквах (т. е. фонетика). 2. О словах, их различных видах и изменениях (т. е. морфология). 3. О речи (т. е. синтаксис).

Фонетический раздел грамматики выполнен в традиционном духе: последовательно смешиваются буква и звук,

¹ Рогов Н. А. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб, 1860.

² Куратов И. А. Художественной произведений. Сыктывкар, 1939, с. 302.

гласные разделены на «твердые и мягкие». Заслуживают внимания параграфы 10—15, в которых излагаются правила сочетаемости звуков и освещено чередование *л—в*.

Отделение второе «О слове» по своему содержанию значительно богаче и оригинальнее первого. Интересна разработанная в грамматике схема падежей, включающая в себя двадцать форм. Столь многочисленная система падежных форм была необычной для традиционного языкознания прошлого столетия, ориентировавшегося на античные грамматические образцы, и неудивительно, что в номенклатуре Н. А. Рогова не все падежи получили соответствующие наименования. Вот почему в морфологическом разделе его грамматики падежи не именуются, а нумеруются.

Н. А. Рогов выделяет три глагольных времени: настоящее, прошедшее и будущее, причем будущее время подразделяет на два: будущее простое, «сходное с настоящим временем, кроме третьего лица обоих чисел, и на будущее сложное или составное, состоящее из вспомогательных глаголов *пондыны* или *мөдны...* и из глагола неопределенного наклонения...» (с. 54).

Вслед за П. И. Саввантовым Н. А. Рогов искусственно делит коми-пермяцкие глаголы на два спряжения: «твердое и мягкое, подобно именам существительным, имеющим два склонения» (с. 57).

В этой же части грамматики освещаются послелогии и правила словообразования существительных, прилагательных, глаголов, наречий, послелогов и сложных слов.

Н. А. Рогову удалось довольно точно описать падежный инвентарь коми-пермяцких существительных, дать верную семантическую характеристику определенно-притяжательным суффиксам. Автор грамматики разработал интересную классификацию глагольных залогов и видов, тщательно описал употребление послелогов и падежных форм, выявил своеобразие некоторых синтаксических свойств коми-пермяцкого языка.

Остается только сожалеть, что И. А. Куратов не ознакомился с этим содержательным грамматическим наставлением, которое, несомненно, заинтересовало бы поэта-ученого.

Изданный в 1863 г. «Учебник зырянского языка» (СПб) Н. П. Попова имел чисто практическое назначение и поэтому не оставил следа в коми грамматической теории. Учебник включает в себя следующие разделы: 1) Правила произношения. 2) Собрание употребительнейших слов по

грамматическому порядку. 3) Русские и зырянские общественные разговоры. 4) Собрание пословиц и разных изречений. Завершается учебник алфавитным тематическим указателем. В работах И. А. Куратова ссылок на это наставление нет.

В 1873 г., за два года до смерти И. А. Куратова, была опубликована книга священника П. Михайлова «Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка» (Архангельск). И. А. Куратов в то время находился вдали от родины, в знойной Средней Азии, и крайне сомнительно, чтобы изданная на севере страны книга П. Михайлова попала ему в руки. Нет упоминаний об этой грамматике и в рукописях коми просветителя. Но так как грамматическое наставление П. Михайлова вышло в свет при жизни И. А. Куратова, необходимо осветить этот труд.

Работа состоит из посвящения епископу Нафанаилу, предисловия, введения, десяти глав и приложения — «зыряно-русского словаря по ижемскому наречию».

В первом отделе грамматики излагаются фонетические сведения. Автор отмечает, что «слияние двух гласных: *аа*, *оо* и *уу* — часто бывает в середине, в конце и редко в начале слов зырянских» (с. 8)¹. П. Михайлов вслед за П. И. Савваитовым верно подметил, что долгий конечный гласный в ижемском диалекте происходит из этимологического *л*. (с. 9).

Следующий отдел «Об именах существительных» по содержанию весьма традиционен. Привлекают внимание лишь рассуждения автора о падежной системе ижемского диалекта. П. Михайлов выделяет следующие падежи: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный, предложный. При этом отмечается, что предложный падеж «сходен с именительным с прибавкою предлога, который ставится позади, то есть после склоняемого имени и местоимения» (с. 17). Эта внешне стройная схема оказывается, однако, несостоятельной, так как в разделе, где освещены предлоги (с. 76—82), последние по существу отождествляются с падежными аффиксами. Бросается в глаза то, что падежные показатели *-ла*, *-тэг*, *-ысь*, *-ын* П. Михайлов пишет отдельно от основы. Хотя это и поразительно схоже с куратовской орфографией, преувеличивать значение такого сходства не следует. И. А. Куратов

¹ Вопрос о долготе гласных ижемского диалекта современными исследователями решается неоднозначно. Подробнее см.: Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976, с. 10—19.

придерживался раздельного написания основы существительного и падежного аффикса потому, что за этим стояла хотя и ошибочная, но теоретически разработанная и глубоко пережитая идея¹. У П. Михайлова же такое правописание является плодом лишь слепого подражания русской или латинской грамматической схеме.

Грамматика П. Михайлова была издана в последней трети XIX века, однако по своему теоретическому уровню она намного отстала как от грамматики И. А. Куратова, так и от других лучших грамматических наставлений того времени.

5.

Освещенные в предыдущем разделе грамматические труды предшественников и современников И. А. Куратова, как было показано, внесли немало ценного в нормативно-описательное изучение коми языка. Однако им были присущи определенные недостатки, главный из которых состоял в противоречии между языковым материалом, подвергаемым исследованию в грамматиках, и их теоретическими принципами, заимствованными большей частью из индоевропейской грамматической школы. То обстоятельство, что теоретические положения грамматик не выводились из языковых фактов, а искусственно прилагались к явлениям языка, вызвало со стороны И. А. Куратова закономерную критику некоторых грамматических трудов, о чем также писалось в предыдущем разделе главы.

Видя недостатки существующих пособий по коми языку и желая создать более точную и вместе с тем общедоступную грамматику, И. А. Куратов поставил перед собой довольно трудную и едва ли выполнимую в тех условиях задачу. Нормативное описание какого-либо языка может производиться в двух ситуациях: 1) при отсутствии у языка литературного варианта, когда язык существует в виде совокупности территориальных или племенных диалектов; 2) при наличии у языка обработанной, литературной фор-

¹ И. А. Куратов считал коми язык изолирующим и поэтому относил его падежные суффиксы к служебным словам (подробнее об этом см. выше).

8 С (коми)

Т 44

ББК 83.3ҚО

С (Коми)

- Т 44 **Тираспольский Г. И.**
И. А. Куратов-языковед. Сыктывкар: Коми книж-
ное издательство, 1980. 144 с.

Книга, написанная кандидатом филологических наук Г. И. Тираспольским, представляет собой первый опыт монографического исследования научной деятельности выдающегося коми просветителя Ивана Алексеевича Куратова. В работе обобщен широкий теоретический материал, привлечены новые архивные документы. Особое место в монографии отведено освещению грамматических трудов по коми языку предшественников и современников И. А. Куратова-языковеда.

Книга предназначена для специалистов-филологов, учащихся вузов и всех, кто интересуется историей культуры коми народа и развитием грамматической науки прошлого столетия.

8 С (коми)

Т $\frac{0713 - 046}{М 128 (03) - 80}$ 60 — 80 м

© Коми книжное издательство, 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иван Алексеевич Куратов (1839—1875) известен читательским кругам прежде всего как талантливый поэт-демократ, основоположник коми литературы и зачинатель коми литературного языка. «Он первый поднял свой голос на защиту интересов родного народа, громко заговорил о тяжелом положении коми крестьянина, о его нищете и бесправии, темноте и невежестве. Своими стихотворениями поэт старался вселить бодрость и уверенность в лучшее будущее, которое неизбежно наступит для народа»¹.

Борясь за духовное раскрепощение родного народа, И. А. Куратов много сил отдал исследованию коми языка. «Когда есть народ,— убежденно писал он,— то ему нужно образование; познания же можно передать ему через его же язык»². Вместе с такими дореволюционными филологами, как П. И. Савваитов, Ф. И. Видеман, А. М. Шёгрэн, Г. С. Лыткин и др., И. А. Куратов заложил основы научной грамматики коми языка и прежде всего — его нормативно-описательного изучения. Он относился к тем языковедам, которые «в основном исходили из реально функционирующих норм коми речи, а не из канонов классических грамматик...»³.

Лингвистические публикации И. А. Куратова были известны маститому отечественному финно-угроведу прошлого века академику Ф. И. Видеману (1805—1887), который с уважением отзывался о них в одном из своих лингвистических трудов. Автор некролога на имя И. А. Куратова писал о том, что коми филолог «состоял в сношениях с Казанским университетом. В бумагах покойного сохранилась за-

¹ Федорова А. Н. И. А. Куратов.— В кн.: «Иван Куратов. Стихи». М., 1977, с. 244.

² Куратов И. А. Художественной произведений. Сыктывкар, 1939, с. 220.

³ Бараксанов Г. Г., Мартынов В. И. Развитие коми филологической науки. Сыктывкар, 1975, с. 4.